

штудии

Маяковский

Презент для поэта

Андрей Мальгин

В маяковедении, как известно, всегда существовали два непримиримых лагеря: «бриковцы» и «антибриковцы». Их соперничество началось в ту же минуту, как Маяковский сгорел в печи крематория на Шаболовке.

В момент похорон и вступления в права наследства партия Бриков лидировала, но затем сестры Маяковского и другие родственники им исследователи его творчества каким-то образом сумели оттеснить Лилю Юрьевну от дел. Та, неудовлетворенная двусмысленностью своего положения, а также незначительностью средств от издания Маяковского (при живом Маяковском она получала больше), написала письмо Сталину, где поставила вопрос ребром. Сталин поручил вопрос Ежову, который был секретарем ЦК, поэтому «Дело» и переехало на Старую площадь. Лет пятнадцать, пока не умер Сталин, партия Бриков процветала, вяло отбивая робкие нападения «партии сестер». Все, что нужно было вычислить в деле Маяковского, Лилия уже вычислила при Агранове.

Однако после смерти Сталина энтузиазм в отношении Маяковского поубавился. Лилия стала зажимать, а вскоре и вовсе вычеркнули из официальных биографий поэта.

Дело усугублялось тем, что она вовсю шилась со всякой темной, с точки зрения начальства, публикой, иностранцами, диссидентами, молодыми поэтами и т.д. Музей Маяковского на Лубянке считал официальными наследниками исключительно сестер поэта, и с Лилей Юрьевной не общался. Мемориальную квартиру в Гендриковом переулке, где Маяковский жил с Бриками, разгромили.

Диссиденты, в свою очередь, считали, что неловко задавать гостеприимной богемной хозяйке всякие вопросы об НКВД, о странных обстоятельствах гибели Маяковского и т.п. Тем более она улаживала их дела через сестру — Елизавету Триоле, супругу видного коммунистического деятеля Луи Арагона.

По сути, в те времена была предпринята одна-единственная попытка упомянуть Лилю Юрьевну — когда Илья Зильберштейн подготавливал к печати том «Литературного наследства» под названием «Новое о Маяковском». Там публиковалась переписка поэта, а так как основным корреспондентом была именно Лилия, надо было как-то объяснить читателям, что их связывало. Объяснено было криво, намеками, но и это не спасло этот том. Подробностей не знаю, он вроде бы даже вышел в свет, вот только почему-то его нети в одной библиотеке.

Зильберштейн рассказывал, что любое упоминание о Лиле Юрьевне вызывало протест у Главлита. Например, цензор потребовал вычеркнуть из письма Маяковского Лиле: «Целую тебя миллион раз». «Не много ли?» — гласила ироническая ремарка на полях верстки. Мне довелось общаться с Ильей Самойловичем, и окончание истории в его изложении мне нравится, и не важно, было ли это на самом деле. Якобы Зильберштейн принес в цензу-

ру том писем Чехова, где были подчеркнуты строки Антона Павловича: «Целую тебя десять тысяч раз», и поинтересовался при этом: «Если тяжело больной, слабый Чехов мог поцеловать свою жену десять тысяч раз, то почему молодой, здоровый Маяковский не мог сделать то же самое в сто раз больше?»

Но это мы отвлеклись. Потому что следует вспомнить годы перестройки. «Прожектор перестройки», вытаскивший из тьмы забвения лучших представителей нашей литературы советского периода, был направлен и на Маяковского, к тому времени силами официальной пропаганды окончательно забронзовевшего и выживавшего стойкую изгою у школьников. Народ требовал «клубнички», и он ее получил... Вышли воспоминания Брик, двух Катанянов, а также разные книжки про Лилю Юрьевну и ее роман с Маяковским. «Партия» литературоведов-бриковцев почувствовала себя на коне.

Ну вот я и добрался до главного: выход в 2005 году «Следственного дела Маяковского» — это тяжелый нокаут бриковской партии. Не знаю, как они поднимутся после этого.

Конечно, «бриковцы» первоначально имели несомненное влияние на ОГПУ-НКВД, а с мнением ОГПУ считались в ЦК. Начальник Секретного отдела ОГПУ Яков Саулович Агранов появился на месте самоубийства одновременно с прибывшим туда «скорой помощи», он лично опечатал архив поэта, дождался возвращения из-за границы семейства Бриков (даже дата похорон поэта была соотнесена с датой предполагаемого приезда Лилии в Москву), потом распечатал все для Лилии, которая в течение нескольких дней разбирала и жгла в камине архив поэта, особое внимание уделяя переписке Маяковского с Татьяной Яковлевой и Вероникой Полонской — ни один из этих документов не сохранился.

Мы читаем в вышедшем томе потрясающие документы. Лилия с первых же дней после трагедии сделала все, чтобы в смерти Маяковского обвинили Веронику Полонскую, и тем самым отодвинула ее от классика. Сначала она прикинулась лучшей подругой и отговорила Полонскую идти на похороны, затем, когда из Кремля Веронике позвонили и пригласили обсудить наследственные дела Маяковского (как-никак в предсмертном письме Маяковский просил правительство позаботиться о ней), Лилия посоветовала ей отказаться от всех прав.

«Вы подумайте, — сказала она мне, — как это было бы тяжело для матери и сестер. Ведь они считают вас единственной причиной смерти Володи и не могут слышать равнодушно даже вашего имени.

Кроме того, она сказала такую фразу:

— Как же вы можете получить наследство, если вы для всех отказались от Володи тем, что не были на его похоронах?..

Меня тогда неприятно поразили эти слова Лили Юрьевны, так как я не была на похоронах только из-за ее совета».

В ЦК Полонская все же пошла, и там ей сказали: ну зачем

вам быть наследницей, может, хотите лучше путевку куда-нибудь? Такая постановка вопроса оскорбила Веронику Витольдовну, она ушла, не дав ответа, и больше никто с ней никогда наследственные дела не обсуждал.

Совнарком уже 23 июля 1930 г. выпускает постановление «Об увековечивании памяти тов. Владимира Владимировича Маяковского», где первый пункт гласит: «Обязать Государственное издательство РСФСР издать под наблюдением Лили Юрьевны Брик полное академическое собрание сочинений В.В. Маяковского».

После похорон — момента несомненного триумфа Лили Юрьевны — наступила некоторая неопределенность, которая растянулась на несколько лет, и Лилия написала письмо Сталину. Поскольку составители тома воспроизвели фотокопию письма, мы видим, что именно подчеркнул Сталин в длинном письме Брик красным карандашом. Он подчеркнул именно те две фразы, ради которых, собственно, оно было написано — всего две фразы: «Скоро шесть лет со дня его смерти, а «Полное собрание сочинений» вышло только наполювину, и то — в количестве 10 000 экземпляров.» И: «Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невозможно».

Сталин начертил на ее письмо известное: «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей Советской эпохи. Безразличия к его памяти и его произведениям — преступление. Жалоба Брик, по-моему, правильная...» Ну и т.д. Конечно, это была Лилина победа.

Тут же имеющую двух параллельных мужей Лилю (официального Осипа и гражданского мужа Примакова — командующего Ленинградским военным округом) объявляют женой поэта, у нее берут интервью, она щедро делится сокровищами из архива Маяковского. (Обращаю внимание: на подлиннике своего письма Сталину Лилия указала ленинградский адрес В.М.Примакова и даже номер его служебной «вертушки» — для удобства связи).

В своих «Воспоминаниях» В.В. Катанян мимоходом замечает об одном полезном качестве Осипа Брика: «...Брик ставил знаки препинания в стихах поэта, который просто не обращал на пунктуацию никакого внимания». Судя по «Следственному делу», одну запятую они с Лилей поставили весьма удачно.

Общезвестно содержание предсмертной записки Маяковского. «Инцидент исперчен» и т.д. Одна фраза в ней касается имущественных прав на наследие поэта: «Товарищ правительство моя семья это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна ПОЛОНСКАЯ. — Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо» (это если сохранять пунктуацию покойного).

До сих пор мало кто видел оригинал этой записки. Ее сразу же забрали следователи, и даже когда Лилия прибыла из-за границы на похороны и поинтересовалась у Агранова, какова же воля поэта, тот показал ей не рукописный оригинал, а

машинописную копию. В «Следственном деле» есть несколько таких копий, они идентичны, но одна сложена вчетверо и имеет потертости на сгибах — возможно, именно ее таскал по Москве Агранов и, по многочисленным воспоминаниям современников, доставал из нагрудного кармана, разворачивал и давал прочесть заинтересованным лицам, в том числе и Лиле.

А теперь — внимание! Вот что пишет в предисловии к «Делу» директор Государственного музея В.Маяковского С.Е.Стрижнев:

«Интересна в машинописной копии одна существующая деталь: в строке «Моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская...» между словами «Лилия» и «Брик» стоит запятая, ошибочно поставленная машинисткой. В подлиннике письма Маяковского этой запятой нет. Но именно так, с ошибочной запятой, предсмертное письмо Маяковского было впервые напечатано в газете «Правда» 15 апреля 1930 года. На первый взгляд, кажется — пустяк. Но это не так. Именно благодаря этой запятой появился новый член «семьи» — Осип Максимович Брик — и, следовательно, увеличилось количество наследников, изменялись доли наследства».

Я лично в ошибку машинистки не верю. Слишком это был серьезный вопрос. Конечно, партия и правительство должны были сильно удивиться, что в число членов семьи включен какой-то Брик, и злощастную запятую должны были бы в соответствующих инстанциях рассматривать через микроскоп.

Ценность книги не только в полноте собранных там документов, но и в том, что документы опубликованы как бы дважды: т.е. помещены фотоконии всех архивных страниц. А значит, реальны и почерк Маяковского, и написанный от руки «по горячим следам» протокол допроса В.Полонской, под каждой страницей которого стоит ее подпись, и взволнованные слова ее мужа Яншина, записанные не шибко грамотным следователем Сырцовым: «Когда меня спрашивают, а чем вы можете объяснить, то что он ее включил в свою семью в письме, как ни тем что он был с ней в более близких отношениях, т-е другими словами хотят сказать что ведь он же ей платит, так за что же? Я могу ответить только одно, что люди спрашивающие такое или сверхъестественные цыники и подлецы или люди совершенно не знающие большого громадного мужественного и самого порядочного человека Владимира Маяковского».

Лично у меня один документ в следственном деле № 02—29 вызвал особый интерес. Эта такая тетрадка в линейку, дневничок некоего М.Презента. Тетрадка названа «Маяковский», и как она попала в дело, не объясняется. Комментаторы в алфавитном указателе как-то туманно указывают на род занятий Презента Михаила Яковлевича таким образом: «издательский работник, по данным Р.И.Иванова — литературный секретарь Д.Бедного, в начале

«В том, что умираю, не вините никого?». Следственное дело Маяковского. Документы. Воспоминания современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С.Е. Стрижневой; Государственный музей В.В. Маяковского.

М.: Эллис Лак, 2000. — 672 с. 5000 экз. (п) ISBN 5-902152-14-3

1930-х гг. — сотрудник секретаря ЦИК СССР А.С.Енукидзе». Кой-где он проскакивает с пояснением: «красный профессор». Так вот, это именно тот человек, который чуть не погубил Демьяна Бедного.

Демьян был неслыханно удачливым поэтом, жил вместе с вождями в Кремле и оправдывал свою настоящую фамилию Придворов — это, несомненно, был самый придворный из советских поэтов (позже его сменил на этом посту Сергей Михалков, и поныне выполняющий эти функции). Когда Маяковский умер, Д.Бедный сказал Презенту: «Да, было три поэта, теперь я один остался». И вдруг Сталин публикует в «Правде» открытое письмо бедному Бедному (иначе не скажешь): «И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокоцитимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата. И Вы хотите после этого, чтобы ЦК молчал! За кого Вы принимаете наш ЦК?» Бедного исключают из партии, принимают два разгромных решения ЦК, наконец, высылают из Кремля.

Чем же объяснялась эта неожиданная опала? Так вот, когда Сталин выселял Бедного, он показал ему некую тетрадку, где аккуратно в течение нескольких лет кто-то записывал нелестные высказывания Бедного о Сталине (например, «Сталин жрет землянику, когда вся страна голодает»). Сейчас мы знаем, что этим «кто-то» был этот самый Президент.

Вот одна из тетрадок М.Презента, любовно подшитая в «Следственном деле». Обычная ученическая тетрадка в линейку, называется «Маяковский». Это блестящая агентурная работа, ничего не упущено. В частности, описываются похороны:

«Митинг окончен. Без пяти минут 5 выносят гроб. Он закрыт. Порядка в толпе никакого. Все происходит стихийно. Долго толпа не может выйти за ограду на улицу. Гроб установили на грузовик «Паккард», облицованный на подобие броневика темно-серой фанерой. За руль садится Кольцов. Грузовик резко дергается, т.к. Кольцов никакого опыта управления грузовиком не имеет. Я с женой

Бедного возвращаемся в Кремль. Рассказываю Демьяну о грандиозности похорон. Он говорит совершенно серьезно, хотя хочет, чтоб это походило на шутку: «Не говорите, а то я начну завидовать.» Но ему нечего завидовать, он давно завидует. Демьян начинает нервничать: он не знает как быть — ехать или не ехать в крематорий. Но ясно, что он поедет. Это было ясно и тогда, когда он говорил Регину за два часа перед этим: «Вы там распустите пошире, что я болен и не могу приехать, но может соберусь с силами и приеду в крематорий?».

Далее Президент аккуратно приклеивает (!) к дневничку «Пропуск в Кремационное отделение», которое выдал ему всеисильный Бедный. Пропущенное описание траурной церемонии, где на первых ролях были, естественно, чета Бриков и чекист Агранов, а на вторых — мать и сестры. Однако вот полный список 14 любопытствующих товарищей, которые в специальный глазок в печь наблюдали, как пламя пожирает тело Маяковского:

Д.Бедный, издательский деятель Ионов, главред «Известий» Гронский с супругой, журналист Регинин, страдальный конференсье П.Герман, сестра Л.Троцкого О.Д.Каменева, Яковлев, сотрудник издательства «ЗИФ», «правдист» Ильин, Михаил Кольцов, карикатурист Борис Ефимов, «какой-то военный из ОГПУ с дамой» (привел даму, как в цирк!) и сам Президент.

«Я заглянул туда тоже, но кроме горячей, раскаленной атмосферы ничего не увидел».

«Следственное дело Маяковского», которое наконец-то опубликовано, дает ясные и недвусмысленные ответы на многие вопросы, которыми десятилетиями задаются любители всяких конспирологических версий. Например, что-то не в порядке с входным и выходным отверстием, почему на одних фотографиях труп лежит так, а на других иначе, из чего все-таки застрелился Маяковский — из маузера или из револьвера. В следственном деле, весьма скрупулезно составленном, есть ответы на все эти вопросы, и остается только пожалеть, что не вышло еще из печати следственное дело Есенина, тогда, возможно, телевидение не смогло бы порадовать нас чудовищным сериалом. Многие экспертизы (почерковедческие, экспертиза оружия, судебно-баллистическая и другие, вплоть до психиатрических) повторены уже в наши дни, когда дело, наконец, рассекретили и передали в музей. Они весьма солидны, скажем так.

Ну и еще одно замечание. В деле много материала, поступившего от так называемой «агентуры», в основном из писательской среды. Когда читаешь все эти «агентурно-осведомительные сводки» от «Шороха», «Арбузова», «Михайловского», «Зевса», не можешь отделаться от мысли, что это люди, близко, доверительно общавшиеся со всеми тогдашними литературными светилами, а значит, это и были сами светила. Хочется верить, что в следующем издании «Следственного дела Маяковского» мы узнаем их настоящие имена.